

Ars Asiatica: первые годы Музея Востока (1918–1925)

*Евгения Михайловна Карлова,
кандидат искусствоведения,
заведующая отделом искусства стран
Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии,
Государственный музей Востока,
Москва
emkarlova@yandex.ru*

Государственный музей Востока в Москве был основан в 1918 году и до 1925 года носил название Ars Asiatica. У его истоков стояли такие выдающиеся личности, как П. П. Муратов, К. Ф. Некрасов, Б. Р. Виппер. Коллекция музея в первые годы формировалась преимущественно на основе крупных частных собраний — закупленных, переданных в дар или конфискованных, а также через передачи из других музеев, для которых восточные вещи были «непрофильными». Сохранившиеся документы этих лет не всегда позволяют восстановить имена людей, которым принадлежали эти предметы, однако Музей Востока продолжает вести многолетнюю работу по изучению своей истории.

Ключевые слова: Музей Востока; Ars Asiatica; искусство; коллекционер; Восток; Азия; музееведение; история; Октябрьская революция; Муратов; Некрасов.

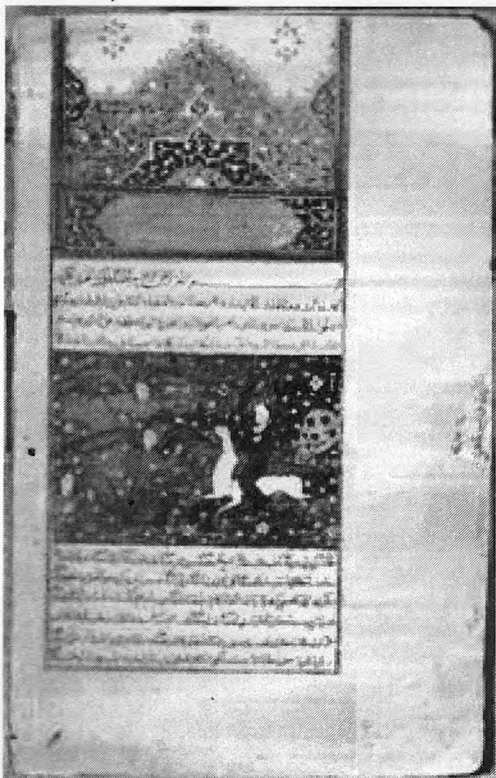
В 2018 году в силу определенной исторической закономерности исполняется сто лет со дня основания многих музеев в нашей стране, не является исключением и Государственный музей Востока. До 1925 года он носил название Ars Asiatica.

На протяжении всего 1918 года создавались многочисленные комиссии, суть деятельности которых сводилась к попыткам навести порядок в огромном количестве имущества (в том числе и предметов искусства), которое было к этому моменту национализировано. Наркомат просвещения получил разрешение реквизировать любые дворцы и особняки, были национализированы частные музеи (Третьяковская галерея, коллекции С. И. Щукина, П. А. Морозова и др.), церковное имущество. 15 октября 1918 года был принят декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусств и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». По нему были зарегистрированы 293 частные коллекции, 64 антиквара и 13 ломбардов: в хранилища Музейного фонда при Наркомате просвещения стали свозить все вещи музейного значения¹. Всего же в 1918–1920 годах в стране было создано 246 музеев, 38 из которых — в Москве². В числе этих музеев был и наш.

Планы создания музея Востока, и даже не одного — а двух, начали оформляться уже в конце лета 2018 года. Первый из них должен был носить название Музей-Институт классического Востока и существовать в помещениях Исторического музея³. Автором идеи и его первым директором стал В. М. Викентьев, причем изначально он планировал включить в круг исследуемых там регионов и Южную Азию, и Океанию, и даже Америку и Австралию⁴. Вторым восточным музеем должен был стать Ars Asiatica: первые предложения о пополнении его фондов были сделаны уже 16 сентября 1918 года на заседании Отдела по делам музеев и охраны памятников старины Наркомпроса⁵.

26 октября 1918 года комиссия по делам музеев постановила «образовать немедленно» Музей классического искусства Востока и Ars Asiatica: «Первый составить путем выделения Голенищевской коллекции и соответствующих отдельных поступлений из Университетского музея изящных искусств и присоединением коллекций по Древнему Востоку, находящихся в других музеях. В основу второго положить приобретенные Музейным фондом предметы искусства Ближнего и Дальнего Востока, а также те восточные коллекции, входящие в состав ныне существующих музеев, которые будут предметами особого суждения»⁶. 27 октября, как следует из протокола заседания комиссии, В. М. Викентьев вспомнил о существовании «в Бурьлинском музее в Иваново-Вознесенске коллекции египетских и дальневосточных вещей. Н. Г. Машковцев полагает, что коллекции эти можно изъять, дав музею компенсацию другими предметами...»⁷. Вероятнее всего, Викентьева более других интересовали египетские предметы из коллекции Бурьлина, однако получить их тогда не удалось⁸.

Два имени важны для первых месяцев существования нашего музея — Константин Федорович Некрасов, племянник великого поэта, и Павел Павлович Муратов. Значительную роль в первое десятилетие жизни музея сыграла вся семья П. П. Муратова (1881–1950), известного отечественного историка искусства. Павел Павлович и его брат Владимир были активно включены в художественную жизнь Серебряного века, дружили со многими художниками, вместе коллекционировали японскую гравюру⁹. Их сестра, Раиса Павловна Муратова (1875–1940), как и братя, увлекалась восточным

Ил. 1. Миниатюра «Мирадж» из рукописи Фатхуллы Шукруллаха ал-Кашани «Предостережение невнимательным и напоминание познающим / истину». Иран, XVII в. Происходит из коллекции К. Ф. Некрасова.
Государственный музей Востока

искусством. Вторым браком она была замужем за Ф. В. Гогелем, ставшим первым директором музея *Ars Asiatica*. Он был старым другом семьи — учился с Муратовым в Институте инженеров путей сообщения. Поработав несколько лет по специальности, после революции Гогель полностью посвятил себя давнишнему увлечению Востоком, занимался дальневосточной керамикой, фарфором и лаками, защитил диссертацию о восточных коврах.

Муратов присутствовал на заседании Отдела по делам музеев Наркомпроса 16 сентября 1918 года в качестве председателя Комиссии музеев восточного искусства — он и предложил закупить для будущего Восточного музея современные ковры, а также коллекцию Некрасова. И то, и другое было решено приобрести: коллекция Некрасова легла в основу музея, и сейчас составляет его лучшие вещи по разделу Ирана (ил. 1).

Муратова и Некрасова связывали многолетние дружеские и деловые отношения. Некрасов более всего знаменит как книгоиздатель, однако он также увлеченно собирал «древности», а в 1912 году даже задумывал организовать музей древнерусского искусства в Ярославле. Интересовало его и искусство Востока — в 1914 году он совершил путешествие в Персию, затем увлекся Китаем. До революции он самостоятельно и через посредничество Муратова закупал в Европе предметы искусства. Вот что писал Муратов Некрасову из Парижа: «Сегодня с трепетом направился в галерею Worch, торгующую исключительно Китаем. Боже, чтобы с Вами сделалось! 8–10 больших комнат, битком набитых керамикой, фарфором, скульптурой, костью и проч., проч. И все хорошее. Боялся и спросить о живописи. Но она менее в цене пока, чем предметы, очевидно, еще немногие, сравнительно понимают»¹⁰. Разумеется, ситуация после 1917 года выглядела совершенно

иначе. Осенью 1918 года они оба — и Некрасов, и Муратов — работают в Отделе охраны памятников искусства и старины Наркомпроса (Музейный отдел)¹¹. Благодаря многолетней дружбе, они, очевидно, нашли способ «спасти» коллекцию — она ложится в основу собрания музея, директором которого становится их родственник и близкий друг Ф. В. Гогель, которого специально для этого вызывают в Москву из Вятского художественного музея.

«Присоединение» крупных частных коллекций — один из важнейших источников поступления в эти годы. Прекрасный пример тому — собрание Бориса Осиповича Гавронского, московского купца и известного коллекционера, увлекавшегося восточным искусством. Его коллекцию в 1918 году перевезли в *Ars Asiatica*, который располагался тогда у Красных ворот, в бывшем доме банкира В. О. Гиршмана¹². Гавронский был одним из директоров чайной компании «Товарищество Высоцкий и К», наряду с Д. В. Высоцким и Е. О. Цейтлиным. Будучи поставщиками двора, они имели конторы в Лондоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Калькутте, Коломбо и Персии. Судя по всему, Гавронский добровольно передал коллекцию государству, понимая, что вывезти или продать ее он не сможет: «2 ноября Коллегия по отделам музеев заслушала доклад П. П. Муратова «О коллекции [Б. О.] Гавронского по Дальнему Востоку. Постановили «постараться по согласованию с Гавронским принять назначенную коллекцию в порядке охраны»¹³.

Важный источник поступления — так называемая «передача по принадлежности» из других музеев. Уже в 1918 году стали поступать предметы, обозначенные в наших инвентарных книгах как происходящие «из собрания б. Строгановского училища». Только за один этот год оттуда поступило около 500 предметов. К сожалению, информация о том, как они попали в музей при училище, доступна не всегда. Например, из Строгановского училища поступили восточные вещи, переданные туда Николаем Васильевичем Глобой — художником, академиком Императорской Академии художеств, последним директором Строгановского училища и Художественно-промышленного музея Александра II на Рождественке (который в наших документах обозначен как музей б. Строгановского училища)¹⁴. Изучение наследия Н. В. Глобы в нашей стране началась совсем недавно: после эмиграции в 1925 году его роль в развитии училища была забыта, а фамилия — вычеркнута из документов, поэтому информацию приходилось восстанавливать по крупицам.

Известно, что в момент основания¹⁵ Художественно-промышленного музея Александра II «большое собрание восточного искусства — японские лаки, мебель, керамику, вазы — пожертвовал наследник

престола будущий император Николай II»¹⁶. Глоба, с энтузиазмом взявшийся за развитие музея, привозил экспонаты из своих поездок — судя по всему, что-то закупал, а что-то дарил сам. Со временем собралась настолько представительная восточная коллекция, что для нее в новом здании музея был отведен целый зал¹⁷. К сожалению, только один предмет из нашего собрания задокументирован как поступивший от Н. В. Глобы — это иранская шаль. Хотя в целом поступления из «б. Строгановского училища» насчитывают несколько сотен единиц, и, возможно, среди них есть пока не выявленные предметы из дара престолонаследника.

К. С. Попов, купец, один из крупнейших чаеоторговцев России, пожертвовал свою коллекцию Художественно-промышленному музею Александра II в 1899 году (по нашим записям — в 1901 году). Размер этой коллекции позволил выделить ее в особый отдел, названный по имени дарителя — «Музей К. С. Попова»¹⁸. В коллекцию «входили изделия декоративно-прикладного искусства Китая, Японии, Персии — бронза, эмали, керамика, фарфор, резьба по кости и дереву, лаки и многое другое»¹⁹. Предметы из этой части собрания мы можем, по счастью, определить.

Через музей Строгановского училища попал к нам и один предмет из коллекции знаменитого русского дипломата Н. В. Ханькова, одного из первых отечественных востоковедов. Его исследовательская деятельность в области изучения Средней Азии, Кавказа и Ирана была высоко оценена современниками. К тому же он был удачливым собирателем, однако коллекция его попала преимущественно в Азиатский музей Академии наук в Санкт-Петербурге, а оттуда — в Петербургскую публичную библиотеку

Судя по всему, не все предметы «из коллекции б. Строгановского училища» изначально входили в его собрание. Есть сведения о том, что в училище было организовано Государственное хранилище предметов искусства, по описям вывозившихся из антикварных магазинов Москвы в 1919 году²⁰. Поэтому не всегда возможно определить, происходят ли поступившие оттуда предметы без упоминаний источника поступления из самого Строгановского музея, или же попали туда непосредственно перед передачей к нам. Некоторые номера содержат в книге КП приписку: «... куда поступил в 1895 г.» или «с Азиатской выставки в СПб».

Есть в нашей коллекции вещи из Первого и Пятого пролетарских музеев — они попали к нам в 1923–1924 годах, когда эти музеи были расформированы, просуществовав всего несколько лет. Из Исторического музея мы получили в 1919 году первую часть коллекции Петра Ивановича Шукина — 128 предметов (в том числе редчайшие миниатюры рукописи «Бабур-наме»).

Судя по документам, национализированные склады, магазины, особняки были в первые годы создания музея важным источником поступлений. Например, в 1919 году поступило довольно много восточных ковров «из ликвидированных складов «Северной компании», а также из дома известного купца-галантерейщика Морица Филипа. Некоторые антиквары и коллекционеры, с трудом удерживавшиеся «на плаву» в первые годы Советской власти, сами спешили избавиться от своих собраний. Другие москвичи продавали восточные вещи в музей, чтобы выжить — известно, что в эти годы на антикварном рынке царил хаос, цены менялись с невероятной быстротой, хорошую вещь можно было приобрести за бесценок.

Интересный пример такого рода — Агафон Карлович Фаберже (1876–1951), сын известного ювелира Петра Карла Густавовича Фаберже (ил. 4). 35 предметов собрания ГМВ происходят из его коллекции — они были закуплены в 1918 году. Как и отец, Агафон Карлович был ювелиром, а также филателистом и страстным коллекционером. В 1927 году он с третьей попытки перешел вместе со второй женой границу с Финляндией по льду Финского залива, вывезя с собой самую ценную часть коллекции — марки. Агафон Карлович собирал в том числе дальневосточное прикладное искусство и гравюру, а также старинные ковры. Известно, что в 1918 году он купил у графа Бенкендорфа, съезжавшего из Зимнего дворца, в числе прочего «китайские и японские вазы» — возможно, часть наших вещей происходит из этого собрания.

Известные фамилии часто встречаются в музейных записях. Среди них — Дмитрий Михайлович Иофан, архитектор, старший брат знаменитого Бориса Иофана. В 1917 году он переехал в Москву из Петербурга и в несколько приемов продал музею свою коллекцию ближневосточных изразцов и керамики. От поэта Константина Абрамовича Липскерова, известного своими переводами классической восточной поэзии, в музей поступило большое количество иранских и среднеазиатских предметов. Вероятно, часть из них он привез из поездки в Туркестан в 1910 году, о которой Л. Ю. Брик вспоминала: «Мы привезли в Москву неисчислимое количество халатов, платков и шелковых материй»²¹. Поступали вещи также от художников Николая Павловича Ульянова и Петра Петровича Кончаловского — это были друзья П. П. Муратова, который, очевидно, хорошо знал их коллекции и мог помочь в организации закупок.

Однако, к сожалению, многие дарители и меценаты, люди, которые продали нам свои вещи или от которых мы получили конфискованные ценности, так и останутся безымянными. С 1918 по 1926 год книги поступлений в музей не велись — вероятно, закупочная комиссия ограничивалась записями в рабочих тетрадях. Во время эвакуации в июле 1941 года самых ценных предметов из собрания музея в Новосибирск и Соликамск инвентарные книги были утрачены. Имеющиеся сегодня инвентарные книги были воссозданы в 1950-х годах по сохранившимся спискам поступлений, происхождение значительной

части предметов остается загадкой и зачастую известен только год поступления. В настоящее время В. Е. Войтовым — бывшим главным хранителем музея и автором его трехтомной истории — ведется кропотливая работа по восстановлению утраченных сведений.

¹ Грицкевич В.П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб, 2009. С. 12.

² Там же, с. 13.

³ Позже как Отдел Древнего Востока вошел в состав Музея Изыщных Искусств. Подробнее см. *Томашевич О.В.* Слово о Владимире Викентьеве (по материалам Архива ГМИИ им. А.С. Пушкина) // Древний Египет: язык — культура — сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. — М., 1999. — С. 255–285.

⁴ Там же.

⁵ Архив ГМВ. Кор. 11. Ед. хр. 251. Л. 142–143; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 48а-б. Подробнее см. Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. Люди. Вещи. Дела. Т. 1: 1918–1950. М., 2003. С. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Музей Востока получил вещи из бурылинской коллекции только 30 сентября 1930 года — 427 м.п. по списку.

⁹ Муратова К.М. Семейное окружение // Возвращение Муратова. М., 2008. С. 112–139.

¹⁰ Ваганова И.В. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М. — СПб. 1993. С. 239.

¹¹ Ваганова И.В. Константин Федорович Некрасов — издатель и коллекционер // Проблемы изучения восточных коллекций (в печати).

¹² Смирнова Л. Меценаты и коллекционеры. Произведения русских художников из московских частных собраний в Севастопольском художественном музее. С. 64 URL: <http://library.ua/m/articles/view/МЕЦЕНАТЫ-И-КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ-Произведения-русских-художников-из-московских-частных-собраний-в-Севастопольском-художественном-музее> (дата обращения: 14.05.2018).

¹³ Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. Люди. Вещи. Дела. Т. 1: 1918–1950. М., 2003. С. 17.

¹⁴ Интересно, что писавший на Н.В. Глобу в эти годы доносы «помощник хранителя» художественно-промышленного музея Александра II Д.Т. Янович после революции 1917 года займет его место и станет заведующим Музея бывшего Строгановского училища.

¹⁵ То есть в 1864 году.

¹⁶ Зиновеева М.М. Деятельность Н.В. Глобы на посту директора художественно-промышленного музея Александра II при Строгановском училище // в кн. Академик императорской Академии художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище. М., 2002.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Катагощина М.В. Антикварное дело в России XVIII — первой трети XX века. М., 2014. С. 348.

²¹ Брик Л.Ю. Пристрастные рассказы. М., 2011.

Ars Asiatica: the First Years of the Museum of Oriental Art (1918–1926)

Evgeniya Karlova,
PhD in Art History,
Head of the Department of Arts of countries
of the Middle East, South and Central Asia,
State Museum of Oriental Art,
Moscow

The state Museum of Oriental Art in Moscow was founded in 1918 and until 1925 it was called *Ars Asiatica*. Such prominent figures as P.P. Muratov, K.F. Nekrasov, B.R. Vipper participated in it. In the early years, the Museum's collection was formed mainly on private collections — there were purchased, donated or confiscated, as well as there were transfers from other museums, for which Oriental objects were “not corresponding”. The preserved documents of these years do not always allow restoring the names of people who owned these items, but the Museum of Oriental Art still continues to study its history.

Keywords: Museum of Oriental Art; *Ars Asiatica*; art; collector; East; Asia; museology; history; Muratov; Nekrasov.

Translated by Evgeniya Karlova